
ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

РЕЛИГИОЗНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ МЕН ДЕ БИРАНА

А.А. Кротов

Мен де Биран (1766–1824) – основатель и крупнейший представитель особого направления в европейской философии – французского спиритуализма XIX в. Воззрения Мен де Бирана на протяжении его жизни претерпели весьма существенную эволюцию. Сторонник деизма и просветительского сенсуализма в начале своей философской деятельности, он впоследствии переходит к спиритуализму и религиозному мистицизму.

Характерно, что один из наиболее значительных критиков просветительской философии, каковым предстает Биран в глазах многочисленных почитателей и исследователей, впервые заявил о себе в печати как последователь Кондильяка (сочинением “Влияние привычки на способность мыслить”). Расхождение со взглядами просветителей, наметившееся уже в ранних набросках, в которых Биран решительно отвергает политические идеи энциклопедистов, окончательно оформляется только в начале XIX в. (когда, основываясь на “фактах сознания”, он пришел к выводу, что материализм – это “грубая иллюзия”, а ощущения не единственный и отнюдь не главный источник философского знания). Указанное расхождение получает дальнейшее развитие во второй половине 1810-х годов, когда спиритуалистическая доктрина Мен де Бирана, индифферентная к вопросам христианского вероучения, трансформируется в религиозную антропологию. Философская позиция позднего Мен де Бирана изложена в его сочинениях: “Новые опыты антропологии”, “Защита философии”, “Новые размышления об отношениях между физической и моральной природой человека”, “Заметка о двух Откровениях”, “Фрагменты, относящиеся к основаниям морали и религии”.

Весьма важно указать на следующее обстоятельство: если в начале своего творческого пути французский мыслитель отождествлял философию с сенсуалистической гносеологией в духе Кондильяка, то в кон-

де жизни он трактовал ее как науку о человеке. Для позднего Бирана человеческая природа становится главным предметом философии: «Именно этим продуманным исследованиям человека и моральной природы нужно приписать начало философии; я скажу больше, именно здесь, чтобы оправдать свое название, она должна была остановиться, не двигаясь далее и не покидая свой предмет»¹. При этом он неоднократно заявлял о необходимости исключить из состава истинной философии учение о сущности внешнего мира. Исследованием природных явлений, по Бирану, должно заниматься естествознание, но не философия. Он критикует создателей «космогонических систем», которые, по его мнению, опирались на причудливую игру воображения и разрабатывали туманные, странные и противоречивые учения (речь идет об Анаксимене, Демокрите, Лукреции и др.). Философия, по мнению французского мыслителя, не должна строиться как всеобъемлющая система знаний, принимать форму некой «всеобщей энциклопедии»²; ее задача – охватить психологические, моральные и религиозные истины о человеке. Философия – это религиозная антропология.

Согласно Бирану, антропология, которая должна быть строгой наукой, таковой все еще не стала. Прежде всего потому, что философы, размышлявшие о человеческой природе, не учитывали всех фактов, наличных в нашем опыте. Биран считал невозможным дать убедительное описание сущности человека, отправляясь от истолкования какого-либо одного метафизического принципа: «Напрасно, действительно, каждая метафизическая система претендует вывести из единственного принципа подлинную науку о существе смешанном, составном, живом, ощущающем, мыслящем и свободном»³. Недостаточной, по его мнению, является и констатация двойственности человеческой природы. Человек, по мысли автора «Новых опытов антропологии», соединяет в себе три природы, или «жизни», несводимые друг к другу. Это «жизнь» животная, человеческая (или сознательная) и духовная (мистическая). Соответственно названным природам научная антропология, согласно Бирану, подразделяется на три части.

Низшая природа в человеке – животная, или органическая. Человек, рассматриваемый в этом аспекте, – ощущающее животное, подчиненное слепым наклонностям и способное выполнять целый комплекс автоматических движений. Животная жизнь – это сфера аффектов и бессознательных влечений, она управляется ощущениями удовольствия и боли. К физической (животной) природе человека принадлежат все его пассивные способности, связанные с чувствительностью. Согласно Бирану, человек, в жизни которого физическая природа преобладает над двумя другими, – раб своего тела, подчиненный бесчисленным страстям. Изучением физической природы человека занимается физиология, входящая, таким образом, в состав антропологии в качестве ее первой части.

Предмет второй части антропологии – сознательная природа человека, или, по терминологии Бирана, человеческая в собственном смысле слова, конституируемая волей и мышлением. Активные интеллектуально-волевые способности могут быть названы собственно чело-

веческими, так как именно они отличают людей от других живых существ. К анализу этих способностей физиологические методы изучения человека, по Бирану, совершенно непригодны. Прежде всего потому, что мышление, согласно Бирану, не может считаться свойством физической природы человека: “Смерть не создает жизни, и материальная организация, актуальное, быть может необходимое условие для некоторых форм человеческой мысли, никогда не произведет мысль. Таким образом, установлены границы, которые физиология не смогла бы пересечь, не впадая в ошибки, иллюзии всякого рода”⁴. Качественная разнородность телесной организации и интеллектуальной природы человека, по мнению французского философа, служит достаточным свидетельством их несводимости друг к другу. Кроме того, Биран настаивает на том, что физиологические исследования, направленные на изучение феноменов органического тела, явно говорят о несостоятельности материалистического решения психофизической проблемы. Объяснение “феноменов мысли” при помощи физиологических гипотез, на его взгляд, только искажает и затемняет данные опыта.

Изучением сознательной природы человека, согласно Бирану, занимается психология, являющаяся отдельной ветвью антропологии. В центре внимания бирановской психологии – человеческая воля. Именно с волевым усилием французский философ связывает чувство собственной индивидуальности, которое, по его мнению, лежит в основе самосознания. Свободная волевая активность – это та внутренняя причинность, которая конституирует личностное существование. Действие волевого усилия – несомненный факт сознания, заключающий в себе чувство непосредственной очевидности: волевое усилие – это первый “прямой луч”, освещающий внутреннюю жизнь субъекта. Мышление французский философ не противопоставляет воле, а рассматривает его как тесно связанное, сущностно единое с ней.

Третью часть антропологии Биран считал самой важной. Духовная природа человека, на его взгляд, практически не исследовалась философами, зато ее наивысшее понимание было достигнуто христианством: “Одно христианство объясняет эту тайну; оно одно раскрывает человеку третью жизнь, высшую по отношению к жизни чувственной и к жизни разума или человеческой воли. Никакая другая система философии не поднималась до этого”⁵.

Посредством духовной (мистической) жизни человек способен достичь единения с Богом, а также постигнуть высшие моральные и религиозные истины. Эта высшая сторона человеческой природы, по Бирану, осталась совершенно неизвестной “философам XVIII века” (речь идет о французских просветителях). Как обоснованно подчеркивает Т. Длугач, представителями французского Просвещения “человек понимался как природное существо, все свойства и потребности которого телесны и определены природой”⁶. Подобную трактовку человека Биран считает поверхностной и несостоятельной. По его мнению, хотя человек и связан с природой через свои физические качества, все же его лучшая часть подражает сверхприродному Вечному Благу. Эта лучшая часть человека делает возможным его духовное самосовершенствование.

ние; что же касается философии XVIII столетия, то она, по Бирану, столь же мало способствует подобной цели, как и “варварское невежество” диких народов.

Зерно духовной жизни, по мнению автора “Новых опытов антропологии”, заложено Богом при творении в каждую из человеческих душ. Однако не все люди развивают эту высшую сторону своей природы, у многих преобладает животная “жизнь” (чувственный человек) или интеллектуально-волевая (сознательный человек). Называя “внешним” человека, чьи потребности и поступки ограничены рамками животной и волевой природы, Биран противопоставляет ему “внутреннего человека”, способного достичь вершин мистической (духовной) жизни: “Позади этого внешнего человека, который ощущает, воображает, рассуждает, размышляет, выводит следствия из начальных опытов, действует вовне, чтобы удовлетворить свои страсти или свои естественные потребности... имеется, говорю я, позади этого внешнего человека... внутренний человек”⁷. В данном случае французский философ опирался на солидную традицию: различие “внутреннего” и “внешнего” человека встречается в посланиях апостола Павла (2 Кор, 4, 16), у Августина, Паскаля. По мнению Бирана, реальное существование мистической жизни (и соответственно внутреннего человека) – один из основополагающих фактов, с которыми имеет дело научная антропология.

Для бирановской антропологии в целом характерно сведение изучения религиозной жизни к анализу психологических состояний верующих; догмы и священная история при этом отходят на второй план. Такой подход к изучению религии многие специалисты считают новаторским, предвосхищающим аналогичные исследования У. Джеймса (“Многообразие религиозного опыта”) и А. Бергсона (“Два источника морали и религии”)⁸.

Согласно Бирану, важнейшая характеристика религиозной жизни и внутреннего человека – любовь. “Истинная любовь” состоит “в полном самопожертвовании ради любимого объекта”⁹, причем главный объект любви – Бог. Любовь французский мыслитель отождествляет с особым внутренним религиозным чувством, в корне отличным от внешних чувств. Не сводится любовь и к проявлениям человеческого разума. Разум и любовь являются двумя основными модусами человеческой души. Любовь связана с верой, а вере во многих вопросах, по его мнению, нужно отдать предпочтение перед разумом. Религиозное чувство представляет высшее, интуитивное познание, благодаря которому возможно ощутить присутствие Бога и постигнуть то, чему никогда не научат “все рассуждения людей”. В данном контексте вполне справедливой выглядит оценка позднего биранизма Эмилем Брейе, одним из крупнейших французских историков философии: “Мысль Мен де Бирана, чтобы достичь всеобщего, обращается не к рационализму, но к мистицизму”¹⁰. Разум весьма ограничен и в решении многих важнейших проблем, чтобы не впасть в ошибки, должен опираться на религиозное чувство. Само же религиозное чувство связано с сердцем человека (здесь несомненно влияние Паскаля)¹¹.

Любовь, по Бирану, раскрывается в нескольких неразрывно связанных друг с другом аспектах. Мистическая любовь – это 1) путь к единению и с Богом; 2) особое средство познания; 3) один из факторов, определяющих возникновение морали; 4) одно из оснований религии.

Человек, по мнению автора “Новых опытов антропологии”, – посредник между Богом и природой. С природой он связан через внешние чувства, с Богом – через чувство внутреннее (мистическая любовь). В известном смысле, человек может “отождествиться” и с Богом, и с природой: слияние с Богом происходит в состоянии мистического экстаза (и это вершина духовной жизни), “отождествление” с природой происходит на уровне животной жизни, когда человек полностью попадает во власть слепых телесных влечений. Таким образом, он теряет свою индивидуальность в двух случаях: когда душа сливается с Богом, “обожещается”, и когда она растворяется в животных влечениях, “оскотинивается”. Среднее состояние между этими двумя точками характеризуется волевой активностью и развитым чувством личной индивидуальности (это состояние, соответствующее второй, сознательной, природе человека).

Сознательная природа, или “вторая жизнь”, дана людям для того, чтобы они могли возвыситься к третьей, духовной, жизни. Осуществить такое восхождение очень непросто, и доступно оно немногим. Для достижения единения с Богом требуется соблюдение многочисленных условий.

Прежде всего необходима особая духовная практика по подготовке мистической жизни. Внутреннее религиозное чувство как бы пробуждается под воздействием целой серии духовных усилий. Начальный этап этого пути – победа над страстями, которые порождаются телесной природой. Для достижения такой победы следует культивировать моральную добродетель. Господство страстей, связанных с органической жизнью, бросает человека во власть тысячи иллюзий, продлевает “детство души”, питая ее химерами и ложными образами счастья, исключает всякое развитие высших способностей. Соблюдение нравственных законов позволяет обуздать импульсы телесной природы, стремящиеся полностью поглотить все силы духовной жизни. Другая, не менее важная, задача на пути внутреннего совершенствования – освобождение от влияния социальных страстей, вызываемых столкновениями сословных интересов; достигается оно в том случае, когда люди в своих поступках руководствуются не личными или словесными интересами, а исключительно гражданским долгом, имеющим в виду общее благо. Важным звеном духовной практики служит также “философская жизнь”, состоящая в интенсивной интеллектуальной деятельности, систематическом размышлении о собственной природе, добродетельном поведении и о Боге. Философские рассуждения помогают человеку возвыситься над мирской суетой; его душа сосредоточивается на себе самой и переходит затем к размышлениям о бесконечном идеале, подлинной цели всех предпринимаемых ею усилий. Возвышение души к Богу, согласно Бирану, должно сопровождаться осознанием собственной слабости, несовершенства, ограниченности. Чем ближе душа к Богу, тем сильнее она пре-

зирает все телесное, земное, все то, что составляет основу светского успеха. Презрение это, однако, не должно питаться непомерной гордыней и себялюбием, оно требует глубочайшего христианского смирения. Наконец, еще одно важное условие для подготовки мистической жизни – молитва. Посредством молитвы человек вступает в общение с высшим Духом, бесконечным неисчерпаемым благом, подготавливая тем самым возможное “обожествление” души.

По мнению Бирана, человек не может достичь высшего состояния только своими силами, совершенно независимо от всяких условий. Конечно, во власти души – стремиться к богоуподоблению, осуществляя последовательную серию духовных усилий для достижения этой цели. Но одних человеческих сил недостаточно для пробуждения мистической жизни. Человеку, не устает повторять французский философ, нужна точка опоры извне, содействие со стороны верховного Существа. Без божественной благодати подлинно духовная жизнь невозможна. Все, что душа в действительности способна сделать сама, – так это путем активного осуществления определенной практики подготовиться к внутреннему восприятию высшего Духа. Рождение мистической жизни зависит, таким образом, с одной стороны, от человека (длительная духовная практика), с другой стороны, от Бога (озарение души неземным светом, возможное только благодаря божественному провидению, мудро вмешивающемуся во все, даже то, что кажется людям случайным или полностью находящимся в их власти).

Вершина мистической жизни (состояние единения с Богом) вполне доступна научному изучению, поскольку, как полагает Биран, все необходимые для этого сведения содержатся в многочисленных произведениях христианских святых. Французский философ дает подробную характеристику названному состоянию: соединяясь с Богом, душа наполняется невыразимым спокойствием, страсти утихают, всякая интеллектуально-волевая деятельность прекращается, человеческая индивидуальность растворяется в Источнике всех вещей. Душа приобщается прекрасному, совершенному, благовому, находящемуся неизмеримо выше всякой человеческой красоты, мудрости, морального совершенства. Это подлинное состояние счастья, сопровождающееся отдыхом души, спокойствием чувств, прекращением всех усилий. Душу наполняет мистическая любовь, позволяющая почувствовать присутствие Божества. Именно любовь возвышает человека до того крайнего предела мистической жизни, которого он в состоянии достичь. В такие минуты душа не подвержена никаким воздействиям человеческого тела, чувство любви заглушает и вытесняет рассудочную деятельность; в глубине человека воцаряется мир, объяснимый лишь присутствием Высшего Начала.

Французский философ настаивал на том, что единение души с Богом не следует понимать в онтологическом смысле – как полное слияние двух духовных субстанций. Единение души с Высшим Началом посредством любви представляет собой своеобразное психологическое состояние, характеризующееся взаимодействием Бога и человека, но не их субстанциальным тождеством. Существенно также, что указанные состояния весьма редки и всегда непродолжительны.

Особое внимание Бирана привлекала проблема научного обоснования наличия реального контакта между Богом и человеком. Могут ли все видения мистиков быть истолкованы как иллюзии, порожденные болезненным воображением? По мнению Бирана, научная антропология должна дать негативный ответ на этот вопрос. Конечно, человеческая фантазия способна рождать самые причудливые образы, которые некоторыми людьми могут ощущаться как ниспосланные им свыше. Зачастую появление этих образов определяется органическими “влечениями” или нарушениями в действии каких-либо телесных функций. О чисто человеческом происхождении этих образов, по Бирану, свидетельствует тот факт, что они всегда предстают под формой пространства и времени, говорят об ощущаемых вещах и в целом не содержат чего-либо качественно отличного от данных чувственных восприятий, скомбинированных самыми разнообразными и нелепыми способами. Но наряду с этим родом психических явлений антрополог встречает и другие – которые с полным правом могут именоваться пророческими видениями. Такие видения, как правило, явно превосходят понимание “естественного разума”, они не могут быть объяснены простым перекombинированием уже имевшегося у человека опыта. Тем самым, по Бирану, оказывается доказанной коммуникация души со сверхчувственным миром.

Описанное соединение “внутреннего человека” с Богом (неизбежно временное в условиях земной жизни) выступает, по мнению Бирана, прообразом будущего более прочного соединения и указывает на счастливую судьбу некоторых блаженных душ, ожидающую их в загробном мире.

В бирановской антропологии мистическая любовь играет роль особого средства познания. Религиозное чувство, наполняющее душу “внутреннего человека”, воспринимает свет высших истин, познает их. “Интуиция истины, сопровождаемая любовью, является божественным удовольствием. Чистая любовь отождествляется, таким образом, с определенным родом интуитивного познания, когда видят истину не прибегая к поискам, когда знают все, не изучая ничего, или скорее когда презируют всякое человеческое познание, находясь выше него. Именно на этом последнем уровне восхождения любовь и познание отождествляются”¹². Чувству любви открывается высший мир незримых вещей, неизменных религиозных истин, нашедших отражение в христианстве. Мистическая любовь, следовательно, выступает как наиболее ценный вид познания; причем это – интуитивное познание, возможное для людей лишь благодаря непосредственной помощи “Отца светов”.

Служа важнейшим инструментом познания, мистическая любовь оказывается в связи с этим одним из основных элементов, лежащих в основании как морали, так и религии. Мораль и религия – особые духовные образования, коренящиеся в сущностных свойствах человеческой природы. Возникновение морали, согласно Бирану, предполагает соединение нескольких составляющих. Во-первых, мораль опирается на “естественную симпатию”, или разновидность животного инстинкта, который связывает всех представителей рода человеческого. Далее,

мораль опирается на особое чувство, основанное на независимой от телесных качеств свободной активности души (некоторые философы, поясняет Бيران, именуют его моральным чувством). Человек вступает в общение с себе подобными как сознательное (разумное) существо. В итоге у людей развиваются моральные качества, такие как великодушные, щедрость, жалость, гуманность. Все эти качества противоположны физическим потребностям (напрямую связанным с эгоистическими устремлениями людей) и потому не могут быть сведены к животной природе человека. Наконец, в основе морали лежит также осознание абсолютной истины. Отождествляя абсолютную истину с Богом, французский философ полагал, что целый ряд фундаментальных моральных истин наиболее полно раскрывается человеку именно на вершине мистической жизни. В краткие моменты созерцания вечной и необходимой причины люди приобщаются к миру неизменных нравственных ценностей. О реальном существовании таких ценностей, согласно Бирану, говорит уже само понятие морального долга, которое предполагает его обязательное выполнение независимо от обстоятельств времени и места. Стремление к соблюдению постигнутых нравственных законов рождает добродетель и ведет человека к блаженству.

Религия, по мнению французского мыслителя, также с необходимостью опирается на мистическое чувство любви. В основе религии, как и морали, лежит несколько составляющих. Истинная религия базируется прежде всего на божественном Откровении. Другой важный элемент, без которого религия невозможна, – моральное чувство, соединяющее в себе доверие, уважение и любовь к людям. “Тот, кто не полюбил людей, не станет любить Бога”¹³. Моральное чувство, первоначально возникающее в семье, постепенно поднимает сознание человека до высшего объекта любви. Еще один важнейший элемент религии – мистическая любовь. Ее Бيران именует “подлинным религиозным чувством”. Именно мистическая любовь подсказывает человеку идею единого Бога. Но к монотеизму люди приходят не сразу. Исторически, согласно Бирану, монотеизму предшествовал политеизм, соответствующий детскому возрасту человечества. Политеизм связан с “культом страха”, он базируется на чистом эгоизме, желании умиловить и “добрых”, и “злых” богов с целью получения личных выгод. Однако в глубине политеизма все же скрыто зерно более высокого начала: это религиозное чувство, мистическая любовь, живущая в душах некоторых людей. В ходе исторического развития политеистический “культ страха” постепенно уступает ведущую роль в духовной жизни общества монотеистическому “культу сердца”. Единственной истинной монотеистической религией Бيران считал христианство. Именно позиция христианина, по Бирану, позволяет охватить в рамках единого целого все факты, имеющие отношение к учению о человеке.

Несмотря на неоднократные заявления Бирана о своей приверженности христианству, проблема соответствия бирановской антропологии христианскому вероучению вызвала серьезные разногласия между исследователями. Так, например, если А. Лавалет-Монбран считает позднюю философию Бирана католической по своей сути¹⁴, а Жан Бофре

усматривает близость биранизма и деизма¹⁵, то А. Древе полагает, что Христос в произведениях позднего Бирана выступает в роли морального образца, но не Спасителя, и в связи с этим задает явно риторический вопрос: “Достаточно ли для того, чтобы быть христианином, брать Христа за образец и стремиться жить по его слову?”¹⁶. Наименее убедительна точка зрения, связывающая биранизм с деизмом. Ибо, по мнению Бирана, божественное провидение управляет всеми событиями в мире, а Бог – это живая и свободная личность, но отнюдь не безличный разум¹⁷. Автор “Новых опытов антропологии” объявляет атеистами всех, кто не признает личного Бога. Отмеченные особенности религиозного мировоззрения Мен де Бирана настойчиво подчеркивают те интерпретаторы его наследия, которые отстаивают тезис о полном соответствии “новой антропологии” французского мыслителя официальной доктрине католической церкви.

Однако столь категоричный вывод все же вряд ли может быть безоговорочно принят. Прежде всего потому, что Бирана совершенно не интересовали проблемы грехопадения и искупления. Это и не удивительно, ведь научная антропология, по мнению французского философа, должна строиться исключительно на данных человеческого опыта, оставляя в стороне догматы различных конфессий (которые теологи призывают принять на веру без сколько-нибудь убедительных доказательств). Таким образом, некоторые стороны христианства просто выпали из поля зрения бирановской антропологии, поскольку главный акцент в ней делался на психологический опыт, а не на зафиксированное в Св. Писании Откровение (заниматься которым французский философ предоставлял теологам).

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что для мировоззрения позднего Мен де Бирана характерны: отказ от попытки построения всеобъемлющей философской системы, стремление сделать человека главным объектом метафизических исследований, выведение онтологической проблематики за пределы “научной” философии, убежденность в ограниченности познавательных возможностей человеческого разума (и вместе с тем признание иного средства познания высших истин), наконец, своеобразный подход к изучению религии, базирующийся на рассмотрении данных психологического опыта. Все это, несомненно, свидетельствует: Мен де Биран – провозвестник ряда философских направлений, возникших и получивших широкое распространение на Западе уже в XX столетии.

¹ Maine de Biran M.F.P. Oeuvres / Publ. par P. Tisserand. P., 1939. Т. XII. P. 56.

² Ibid. P. 124.

³ Maine de Biran M.F.P. Oeuvres. P., 1949. Т. XIV. P. 221.

⁴ Ibid. P. 241.

⁵ Ibid. P. 373.

⁶ Длугач Т.Б. Философия французского Просвещения XVIII века // История философии: Запад–Россия–Восток. М., 1996. Кн. 2. С. 244.

⁷ Maine de Biran M.F.P. Journal intime. P., 1931. Т. II. P. 193.

⁸ Например: *Gouhier H.* Expérience religieuse et philosophie dans la pensée de Maine de Biran // *Revue internationale de philosophie.* 1966. N 75.

- 9 Maine de Biran M.F.P. Oeuvres. T. XIV. P. 396.
 10 Bréhier E. Histoire de la philosophie. P., 1989. T. III. P. 559.
 11 О роли сердца в философии Паскаля см.: Стрельцова Г.Я. Паскаль и европейская культура. М., 1994.
 12 Maine de Biran M.F.P. Oeuvres. T. XIV. P. 399.
 13 Ibid. T. XII. P. 27.
 14 La Valette Monbrun A. Essai de biographie historique et psychologique: Maine de Biran. P., 1914. P. 478–483.
 15 Beaufret J. Notes sur la philosophie en France au XIX siècle. De Maine de Biran à Bergson. P., 1984. P. 15.
 16 Drevet A. Maine de Biran. P., 1968. P. 75.
 17 Maine de Biran M.F.P. Journal intime. T. II. P. 311.

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ГЕГЕЛЕВСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВА

Т.И. Ойзерман

1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ. ГЕГЕЛЬ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ. ПРОТИВОРЕЧИЯ ИСХОДНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ГЕГЕЛЕВСКОГО УЧЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕ

“Наука логики”, основополагающее произведение Гегеля, многообразие и глубина содержания которого требуют неослабного внимания и осмысления и в немалой мере заслуживают выдающееся значение других его сочинений, непосредственно не связанных с проблематикой диалектической логики. Это прежде всего “Философия права” и “Философия истории”, в которых Гегель, философ, предпочитающий (во всяком случае так представляется на первый взгляд) спекулятивную метафизическую тематику (об этом, кстати, он заявляет в одном из своих писем), выступает как политический мыслитель, создатель собственной политической философии. В связи с этим уместно напомнить, что первой, подготовленной Гегелем к печати работой (оставшейся в то время неопубликованной вследствие ее резко выраженного оппозиционного характера) была относящаяся к 1798 г. статья “О внутренних отношениях в Вюртемберге нового времени, прежде всего о недостатках конституции, касающихся управления магистратов”, а последней, написанной незадолго до смерти философа, – статья, посвященная в высшей степени актуальному в то время политическому вопросу – “Английский билль о реформе 1831 г.”. Не следует ли отсюда вывод, что политические вопросы никогда не выпадали из круга интересов Гегеля?

Здесь можно сослаться и на слова самого Гегеля. В письме Ракову от 30 марта 1831 г. он утверждает: “Уже довольно длительное время именно политика стала тем, что объединяет в себе почти все прочие ин-